

КОРНИЛОВ ВЛАДИМИР

NOTA BENE!

NOTA BENE!

Однажды дядя моего приятеля сказал: «Когда я впервые закурил, мне было 45. И я жалею, что столько лет я потратил зря, и не получил столько удовольствия. Я не могу простить себе этого». Он умер в 65 от алкоголя. На столе стоял стакан с водкой, а в руке он держал погасшую трубку. Трубку была Петерсон и заправлена она была флеком от Гэвиса. Последние годы он не изменял ни себе, ни трубке, ни самым крутым Гэвисам. Он к ним сильно привык и пристрастился. На лице у него не было ни тени страха, ни сожаления. Было просто огорчение, что жизнь заканчивается, а в его столе ещё несколько пачек дурманящего, сводящего с ума табака и трубка. На душе становилось тяжело от одной мысли, что это не будет больше принадлежать ему. Силы его покинули. Он умер, держа в руке погасшую трубку. На столе стоял не допитый стакан с водкой. Он умер, но остался я, который об этом помнил.

ДЕТСВО.

Детство... Какое замечательное, завораживающее слово. Оно приходит, не спрашивая нас, и уходит, забыв спросить. Тепло родительских рук, Новый год, Дед мороз, так похожий на воспитательницу из соседней группы. Снегурочка, почти копия Таниной мамы. Громадная, под потолок расцвеченная гирляндами и огнями ёлка. Непреодолимое таинство пакета с подарком и незабываемый, просто умопомрачительный запах апельсина. Оранжевый, в пупырышках, с такой очаровательной пипкой, и благоухающей красноватой, сладко пряной мякотью внутри. Это не забыть. Это детство...

В нашем дворе оно проходило у всех по-разному. У кого то оно было счастливым. Те в садик не ходили. И такое как у меня. Я в садике помню себя с девяти месяцев. Яркий, послеобеденный сон, громадная белая комната, с большими белыми окнами, белые стены, белые железные кровати. Солнечные зайчики, бегающие по стена и я, завернутый в одеяло. Все спали, а я не спал. Мне не нравился ни садик, ни послеобеденный сон.

Дети рождаются обычно как альтернатива продолжения рода, как будущая в жизни опора, как счастье. Для чего родили меня, осталось загадкой, которую я не могу разгадать до сегодня. Наверно меня родили, как и тысячи других для того, чтоб детские садики не были пустыми. С местами в детских садах, в то время, были проблемы.

Круглосуточные группы это как крайняя форма отчаянного детства. Меня приводили в полседьмого утра в понедельник, забирали на ночь к концу дня в среду. Утром в четверг я был снова в садике и до конца дня субботы, когда забирали на один выходной домой. Были дети, которых забирали домой каждый вечер. Но я к ним не относился. Мне везло меньше всех. Моя мама подолгу и тяжело болела, рос без отца, и я по полгода, и больше жил в садике. Когда всех забирали домой, и садик погружался во тьму, оставались двое – я и сторожиха тётя Поля. Одинокая тусклая лампочка в зале. Я сидел часами на лавке, или стульях редко разговаривая с тётей Полей, еще реже слушая сказки, которые она мне чи-

тала из книжек. И ещё реже, когда я ложился спать, то зарывался лицом в подушку и подолгу беззвучно ревел. Сейчас я взрослый и никогда не реву. А вот тогда изредка ревел, скрашивая своё безнадёжное одиночество. Одиночество, завёрнутое в завывание ветра за окнами, и стучащимися охапками мечущегося ветра. Шум зимы, тишина одиночества и безнадёги.

Круглосуточная группа в садике была одна. Та, в которую ходил я. И еще человек восемь или десять. К вечеру, когда весь садик затихал, мы сбивались за столиками и рисовали, или лепили зверюшек, из пластилина. Но больше всего нравилось делать посуду из папье-маше. Изредка нам читали книжки. Чаще кто-нибудь из нас рассказывал по памяти сказки, или очень страшные истории. Я сказок знал мало, поэтому никогда и никому их не рассказывал. Вели мы себя чаще хорошо. Кто вел себя плохо, тому давали в руки тряпку, неподъемное ведро с водой и заставляли мыть коридор. Если мыл плохо, то заставляли перемывать. Коридор был огромный, тряпка тяжелая, а ведро не подъемное. Случалось, что все уже спали, а кто-то домывал коридор.

Часто между нами парнями возникали потасовки. Они шли постоянно и заканчивались синяками или разбитыми носами. А иногда и тем и другим вместе. Когда нас во время драки ловили или няни или воспитатели, то нас наказывали. Нас ставили на несколько часов в угол. В нашей группе я не помню ни одного угла, в котором бы я не стоял. В драках воспитывалась воля, и выявлялся лидер. Поэтому и наказания, и синяки приходилось терпеть молча. Иногда наказания носили изощренный характер. Вместо угла или шлепков по заднему месту, были экзекуции. Как в тот памятный вечер. Не могу вспомнить, чем мы разгневали, нашу воспитательницу Татьяну Николаевну, но помню, что девочек раньше времени уложили спать, а нас, кому было всего по четыре года, пять или шесть человек раздели до трусов, загнали босиком в туалет на холодный кафельный пол, открыли настежь форточки, на улице было под минус тридцать, и заставили стоять несколько часов с поднятыми вверх руками. Руки затекли, ноги онемели, из глаз текли слёзы. Кончилось всё неожиданно. Сергей, мой сосед по двору и основной конкурент по дракам, упал и потерял сознание. Кто то закричал. На крик вбежала испуганная воспитательница. Нас всех загнали в постели, а Сергея долго приводили в чувства. Скорую помощь никто не вызывал. Родителям никто не пожаловался. И я не жаловался тоже. Мне жаловаться было некому. Но с тех пор экзекуции прекратились.

Татьяна Николаевна была нашей с Сергеем соседкой по двору. Иногда мне казалось, что она к нам всем относиться хорошо. А иногда казалось, что очень даже плохо. У неё не всё хорошо было с личной жизнью, и это сильно отражалось на нас, её воспитанниках. Жила она в коммунальной квартире, в одной комнате со старой, вечно ворчащей матерью. Ей было под тридцать, или около этого. В свободное время она вела во дворце культуры кружок танцев. Сложена она была божественно. Хотя лицо не дотягивало до шикарной фигуры. Детей своих у неё не было. Да и замужем она не была. Изредка мы видели, каких то мужиков, приходивших к ней в гости в садик в её смену. Тогда нас срочно, раньше времени укладывали спать. Ложилась ли спать она, и чем они там занимались, я не знал. Не знали и другие дети. Замуж она так и не вышла. И детей у неё так своих и не появилось. Мать у неё умерла, когда она сама уже вышла на пенсию. Выйдя на пенсию, она в детском садике больше не работала. Жила одиноко. Иногда выходила на улицу и подолгу

сидела на лавочке. Несколько раз лечилась в психушке. Но всё это было позже. В садик я тогда уже не ходил, окончил школу, и уехал навсегда из дома.

Всё когда-нибудь кончается. Закончился и мой детский садик. Тем летом меня в садик не водили, а в сентябре я пошел в школу. Все лето я провел во дворе, на речке и в лесу. Несколько раз приходил в садик в гости и общался с менее счастливыми друзьями. Им пришлось ходить в садик до последнего дня, т.е. до конца августа. А в сентябре началась школа. В садике меня встречали тепло. Кормили котлетой с картофельным пюре, подливкой и стаканом компота. Так детский садик ушел из моей жизни, а вот любовь к картофельному пюре с котлетой остались на всю жизнь. И компоту налитому в гранёный стеклянный стакан. Других стаканов тогда просто не было.

ШКОЛА.

Учёба в школе началась для меня немного скучно. Меня вместе с соперником и другом по садика Сергеём записали в самый лучший 1- «А» класс. Серая школьная форма, брюки подпоясанные ремнем, коричневый кожаный портфель, пенал, полный карандашей и перьевых ручек, пёрышки, резинка, чернильница непроливашка, пахнущие типографской краской учебники и тетрадки в косую линейку. Всё это создавало приподнято воинственный настрой. Все мои дворовые друзья перешли во второй или более старшие классы. А я пошел только в первый. Все умели читать и писать. Я знал только буквы. С таким багажом я и пришел в первый класс. Первые три четыре дня прошли успешно, а потом, что-то не заладилось, и я решил, что школа мне не нужна, и ходить в нее я не буду. Вместо уроков я бродил по городу и кинотеатрам. Так думал я, и оказалось, что думал неправильно. Мать вызвали в школу и объявили, что уже неделю я не посещаю занятий. Расправа была жесткой и короткой. Как говорили во дворе – был бит и обучен разуму. На следующий день я снова был в школе. Но оказалось, что из лучшего в школе класса, с лучшей в школе учительницей я был переведен в худший в школе класс, где за все четыре года не появилось даже постоянной учительницы. В старших классах повезло больше. Класс был очень дружный, и была отличная классная учительница.

Школа в те времена представляла довольно колоритное явление. Часто ставили двойки, оставляли на второй год, да и по окончании седьмого класса можно было идти в профтехучилище. Звались они просто – хобзайки. Были и особо отличившиеся. После окончания седьмого класса их всей школой с «почетом» провожали в армию. В институт практически никто не поступал. Да его и не было в нашем городе. Лишь позже открыли филиал политеха. Был лишь металлургический техникум. Туда из нашей школы то же поступали редко. И я туда тоже не поступил. Все лето я проболел, к экзаменам не подготовился и завалил мою любимую геометрию. Поступил в ПТУ, но меня там хватило на два дня занятий. Второго сентября встретил на улице классную учительницу, и она сказала, чтоб дурака не валял, а шел в девятый класс. Дома меня понять не захотели. Были долгие разборки, но на своем я настоял. Так я пошел в девятый класс. Отношения к учебе в те времена были довольно прохладные. Не могу забыть эпизод с моим соседом. Он был старше меня лет на пять или шесть. Учился в школе плохо и с принуждением. И вот однажды он пришел домой без портфеля. Он был старшим из трёх братьев. Жили они в однокомнатной квартире. И очень бедно. Богато тогда никто не жил. Потеря портфеля была большой потерей и трагедией для семьи. Ругань, слезы. Ну все как и полагается. Денег на новый портфель не

была, и в школу он ходил без книг и с тетрадками под мышкой. Через несколько дней все разрешилось. Портфель принесла домой местная почтальонка. А произошло следующее. Была зима, и на улице холодно. Зимние дни короткие и темные. В школу он ходить перестал, а уходил в соседний двор, где находилась почта, там, в углу, в тепле и спал. А днем приходил домой. Однажды уходя домой, портфель забыл на почте. Поэтому его и принесла через несколько дней почтальонка. Со школой сосед закончил очень неожиданно. Ему было семнадцать лет, а он все еще учился в седьмом классе. В тот год в нашу школу приехали на практику несколько девчонок, будущих выпускниц педагогического училища. Вели они начальные классы, а жить их поселили в общежитие в центре города. Возрастом они были, может быть, всего на два три дня старше моего соседа. С одной из этих практиканток у него завязался не просто роман, а целый романище. Однажды за его пассией утром перед школой, в общежитие зашла не молодая, старых нравов, завуч. От всего увиденного она долго не могла прийти в себя. По комнате в ночной рубашке расхаживала её подопечная юная практикантка, а в постели её мирно спал вечный двоечник и прогульщик мой сосед. В обед в школе собрали педсовет - моего соседа с позором изгнали из школы, а юную практикантку пришлось досрочно закончить практику и уйти с училища. Так в семнадцать лет не закончив, седьмой класс он пошел работать. А в восемнадцать, вместо армии, попал в тюрьму за хулиганку. Я в школе учился хорошо, и даже иногда отлично. В пример меня никому не ставили, но иногда хвалили. Закончил десять классов я с примерными и отличными оценками. Ответ на экзамене по литературе был признан лучшим за десять лет. Чему я сильно был удивлен. Были рекомендации в университет на литфак. Но я туда не поехал. А поехал поступать в технический вуз в столицу, где провалил последний экзамен. Так в институт я не поступил. Два года работал санитаром, грузчиком, и ещё черт знает кем, пока через два года не поступил в медицинский государственный институт. Частных медицинских институтов тогда не было. Да их нет и сейчас.

ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ

Дворовые развлечения ни всегда были добрыми, и нас после них часто наказывали. Мы не могли понять, почему взрослые такие злые и не добрые. Когда я сам стал взрослым, то же стал наказывать детей за дворовые проделки. Правда я старался делать это по-доброму, помня, что меня наказывали больно и по злему. Видно возраст портит людей. Меня испортил не совсем. Этот случай не был чем-то «из рук вон выходящим». Ни хуже и не лучше других. Обычная юношеская шалость. Правда, помнили нам его очень долго.

Наш двор в четыре кирпичных двух этажных домов фасадами выходил на проезжие дороги, а дверями во двор. Весь двор был застроен деревянными сараями, в которых соседи держали скотину. Но пришли времена Хрущева и скотину всю вырезали. Живность вырезали, а сараи остались. За домами располагался небольшой, неухоженный, усаженный то полями парк. В центре парка ранее располагался постамент с какой-то фигурой. Но потом фигуру сняли и куда-то увезли. Фигуру увезли, а постамент остался. На небольших аллеях стояли деревянные лавочки, а на задах теннисный стол. Сборы, разборки, теннис игра на гитаре и многое другое это всё было в этом парке. Летом, когда весь двор засыпал, парк служил местом любовных утех неприкаянных любовников. Главной неприятностью парка были бездомные дворовые собаки. От них были одни проблемы. Если днем они отсыпались по щелям в сараях или под кустами в парке, то к вечеру они всегда крути-

лись возле нас, не давая прохода. Когда наступала ночь, и все расходились по домам, наступало их время. Соревнуясь в безумстве, они всю ночь напролет выли и лаяли, под окнами не давая никому спать. Эти ночные собачьи «перепевки» к утру доводили до иступления. Утром, честно выполнив свой долг, они разбрелись отсыпаться по своим щелям, а ты, не выспавшийся и злой, шел в школу или на работу. И так шло до того момента, пока не настал тот вечер, а потом и утро.

В тот вечер мы с другом сидели в парке. Теплый летний ветер, зелень клумбы в центре парка, дурмящий запах душистого табака и вечер, плавно перетекающий в ночь. Несколько дворняг терлись возле нас и периодически грызлись между собой. Кто-то проходил мимо парка и собаки с оглушительным лаем бросились на прохожего. Раздался громкий мат, пинок, по одной из собак, собачий визг и всё разом стихло. Все это нас давно порядком достало, и мы решили над собаками подшутить. Подшутили. Но лучше бы мы этого не делали. К торцу одного из домов, примыкавшего к парку, прямо к окнам подходили два канализационных колодца. И вода из туалетов и кухонь стекала прямо в них. Закрыты были они тяжелыми канализационными люками. У одного из колодцев мы открыли крышку. Внизу в узкую трубу периодически стекала вода, и между трубами, в центре колодца был разрыв. Собаки были пойманы и сброшены в колодец. Крышка легла на своё место. Дело сделано, пора и спать. Всё началось ранним утром, когда соседка Маша, с первого этажа не продрав, после сна глаза, пошла в туалет. Всё остальное мы узнали позже из её рассказа. Зайдя в туалет и, не успев сесть на унитаз, она вскочила с него как ошпаренная. Прямо из унитаза на неё неслось дикое, собачье подвывание. Волосы на голове встали дыбом, и она с криком бросилась в комнату. Муж её Толик ещё спал. Она едва его растолкала, заикаясь, пытаясь объяснить весь ужас происходящего. Спросонок он ничего не понял, и дал ей затрещину. Но она была настойчива, и уступать не хотела. Тогда ему пришлось встать, и почёсывая своё хозяйство в трусах, пойти за ней в туалет. Когда он вошел в туалет и услышал собачий вой из унитаза, то силы его покинули, он медленно осел вдоль стены на пол, волосы на голове встали дыбом и пришли в какое то хаотическое движение. Он не был мужественным мужчиной. И ему был свойственен страх неизвестности. Понемногу придя в себя, он не одевая штанов, в одних трусах и майке пошел на улицу выяснять причину. На поиски времени много не ушло. Люк был вскрыт. Собаки весело визжали на дне колодца, и лишь одна головой была затянута в трубу, наводя ужас своим воем. На шум сбежались соседи. Что делать с собаками решили сразу. Толик спешил на работу, поэтому эта почётная миссия досталась соседу Николаю из соседнего подъезда. Небольшого роста, но с большим животом он насилу влез в колодец. Первую он вытянул за лапы из трубы и передал наверху наводившую на Машу ужас дворнягу. Со второй собакой то же проблем не было. А вот с третьей, что-то сразу не заладилось. Она была крупнее двух прежних и никак не хотела покидать колодец. Она нервно лаяла, скулила и постоянно пыталась укунить своего избавителя. Наконец он взял её за передние лапы, прижал к своему огромному животу и стал подниматься по крючьям кверху. Голова и плечи у него из люка вышли без проблем, а вот с животом и собакой на нем вышла проблема. Живот с собакой застряли в узком люке и не давали никуда двигаться. Тогда соседи стали пытаться вытянуть Николая из колодца за плечи, и вроде почти вытянули. Но тут произошло непредвиденное. Собака вдруг резка завизжала от боли, соседи одновременно отпустили плечи Николая, и он плавно начал соскальзывать назад в люк. Хватаясь за поручни колодца, он выпустил собаку из рук, и та, падая вниз, успела зубами ухватиться за то интимное место, которым де-

лают детей. Как орал Николай слышали во всех соседних домах, но вот как он выскочил из колодца, не видел никто, и сам он этого не помнил. Да разве можно такое запомнить?.

Через час Николай уже сидел в очереди у хирурга травматолога. Когда подошла его очередь и он зашел в кабинет, в кабинете сразу началась суeta. Молоденькая медсестра дрожащей рукой бережно держала его «хозяйство», а врач обрабатывал и наложил несколько швов. Все это забинтовали, оставив маленькую дырочку для справления нужд. В больницу его не положили, и к обеду он уже сидел на лавочке, крыльца, рассказывая всем, чем заканчиваются добродетели. Через две недели повязку и швы сняли, а Николаю сказали, что на нём зажило как на собаке. Больничный лист закрыли и выписали на работу. На работе и во дворе мужики еще долго над ним смеялись, подшучивая, «не помочь ли ему с женой в постели». Не знаю почему, но это его сильно злило, и от услуг он всегда отказывался. Когда он начал выполнять свои мужские обязанности с женой, так никто и не узнал. Зато как то узнали, чьи это проделки. Как об этом узнал весь двор для меня так и осталось загадкой. Расправа для меня была короткой. Если родители друга были лояльны к его шуткам, и весело посмеялись над всем происходящим, то у меня родители были другими. Отца у меня не было. Была только мать. Когда я пришел домой, то со стены была снята бельевая верёвка, сложена в несколько рядов, и надо мной была произведена экзекуция, по всем правилам средневековой инквизиции. Присаживаться на краешек стула я стал уже через три дня, а вот спать на спине не мог целый месяц. Но время всё залечило. Небольшой осадок оставался только после встреч с женой Николая. Ей постоянно хотелось треснуть мне по голове, и иначе как «идолом медноголовым» она меня не называла. Как она называла моего друга, я не знал. Но больше всех доставалось дочери Николая. Когда она выходила на улицу, взрослые парни её дразнили спрашивая : «Её отцу яйца пришили новые, или оставили старые». Всех это сильно забавляло, но не её. Её это сильно злило. Думаю, это сильно злило бы и меня. Но, слава богу, с моим отцом такого произойти не могло. Я просто рос без отца. У моего друга отец был, но с ним то же такого случиться не могло. У него не было как у Николая живота. Да и за собаками по утрам по колодцам он никогда не лазил.

ПЕРВЫЙ ВРАЧЕБНЫЙ ОПЫТ

У каждого свой путь в постижении рабочей специальности. Он может быть легким или тяжелым, неприметным или запоминающимся. Свой был и у меня. В то лето экзамены в институт я провалил, и нужно было срочно устраиваться на работу. Я был несовершеннолетний, и на работу меня никуда не брали. Единственно куда меня охотно взяли – это санитаром в псих диспансер. Работа по 12 часов в две смены. Надбавки за вредность, лишние часы давали мне неплохие деньги. Работалось легко. Коллектив был дружный, и я быстро стал его частью. После дневной смены я приходил домой к ужину, и у меня оставалось ещё уйма времени до следующей смены. В это время по телевизору шли незабываемые матчи по хоккею наших с Канадой. Телевизоры тогда были не во всех семьях, а у нас он был. Купили мы его недавно. Каждый вечер на просмотр матчей к нам набивалась полная квартира соседей маминых подружек. Кроме меня мужчин не было. Я не мог понять, если женщины смотрят хоккей и так бурно всё это обсуждают, то где же мужчины? Оказалось, мужчины то же смотрели и бурно обсуждали все матчи, но в других местах и других компаниях. Соседки собирались задолго до матча, пили чай и много курили. К

началу матча обычно страсти накалялись до крика, а в комнате стоял сизый туман дыма. В тот вечер я пришел с работы пораньше, переоделся, быстро поел и пошел смотреть матч. Вхожу в комнату – все те же лица, и среди них Шура – стройная фигура. Так её в шутку звали все. Вечно пьяная, нигде не работающая она, казалось, состояла из одной кожи и костей. Неприятный, визгливый голос и постоянное недовольство. Увидев меня, она сразу на меня набросилась: - Грёбанный доктор! У меня весь день живот болит, а ты даже помочь не хочешь». Доктором я тогда ещё не был, а был палатным санитаром в психушке. Что ж лечить, так лечить. Вызов был принят. Ушел в свою комнату и в аптечке нашел пожелтевшую, развалившуюся от времени упаковку пургена. Шесть таблеток размял в порошок, скрутил в пакетик и отнес ей. Сказал, что это новое лекарство от желудка, и я только сегодня принес его с работы. Сколько гадостей я от неё выслушал пока она этот порошок выпила. Но, всё-таки она его выпила. Начался хоккей, и она на удивление весь матч просидела, не вымолвив ни одного слова, чем сильно всех озадачила. А больше всех меня. Я с ужасом сидел и ждал, когда она начнет бегать в туалет. Но она не начала. Матч закончился, наши победили, и все разошлись по домам. А я пошел спать. Рано утром я ушел на работу. Самое интересное началось вечером, когда я пришел с работы. Не успел я ступить на порог, как на меня чуть не с кулаками набросилась мать: « - Ты за что изверг Шуру погубил? Её сейчас в больнице откачивают».

Как она оказалась в больнице, я узнал позже от её сына и соседей. Претензий ко мне не было ни у её сына, ни у соседей. Претензии были только у моей матери. А произошло следующее. После матча Шура пришла домой. Живот у неё не болел, и она легла спать. Всё началось около четырех часов утра. Необычный позыв буквально выбросил её из постели. До туалета она едва добежала и долго из него не возвращалась. Когда сын проснулся и собрался идти на работу, она из туалета уже не выходила. На обед сын пришел домой к двенадцати, густой, неприятный запах стоял по всей квартире. Обед был не готов, и она снова была в туалете, откуда доносились слабые стоны и характерные неприятные звуки. Сказав всё, что он о ней думает сын голодным ушел на работу. Время подошло к часу дня. В животе у неё никак ни унималось. И если она поначалу бегала в туалет бегом, то потом стала едва доходить, держась за стены. Намешав три литра марганцовки она её - кое как выпила. Если у неё до этого лилось только снизу, то теперь стало фонтанировать и сверху. Силы её стали окончательно покидать, и около четырёх часов она решилась на последний отчаянный шаг – она на четвереньках доползла до соседей, которые и вызвали скорую помощь. Машина пришла быстро. После беглого осмотра её на носилках унесли в машину и под вой сирены увезли в городскую инфекцию. Там её ждали поистине царские условия – отдельный бокс, с фаянсовым стерильным унитазом, трёх разовое питание и полный покой. Была только одна небольшая проблема, таблетки ей давали регулярно, уколы то же ставили не забывали, а вот выпивку и курево врач прописать забыл. И ещё маленькая неприятность – больница находилась на краю города, как говорят «у чёрта на куличках», и за всё время её пребывания там её никто ни разу не посетил.

Положенные три недели она отлежала честно. После больницы она немного поправилось, лицо обрело цвет жизни, несколько дней она даже не смотрела на алкоголь, грязно не ругалась. Больница её сильно изменила. Она оставила глубокий след в её жизни. Она не наложила след только на её стройную фигуру. К нам она больше курить и смотреть телевизор не ходила. Со мной не здоровалась и не разговаривала более года, лишь изред-

ка, при встрече, шипела мне в спину: - Грёбанный душегуб. Но я с её утверждениями был не согласен. Не согласны были и все знавшие меня соседи. Через год эта история понемногу забылась, и всё вошло в прежнее русло. Шура снова стала к нам ходить смотреть телевизор, курить и комментировать все телевизионные передачи. Лечить её она больше не просила. Да я и не настаивал. В тот год я поступил в медицинский институт. Жил в общежитии, и домой наведывался редко. В институте было много разных событий, которые я успел забыть за ненужностью, но тот опыт первой моей лечебной практики я помнил всегда. Помню я его и сегодня. Время прошло, но опыт остался.

НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ

В то время я учился в институте, и многие из нас хотели быть гениями. Однажды Андрей, он учился в параллельной группе, сказал: « Я буду учёным...» Он сказал это, но для этого у него не было данных. Закончив институт, он работал рядовым врачом. Однажды он вошёл в подъезд своего дома, поднялся до третьего этажа, достал ключ из кармана, и не успел вставить его в скважину замка. Три пули попали в него. Две куда- то в тело, а одна в глаз. Он не успел даже вскрикнуть. Его нашла через час соседка, выносящая мусор. Разбитые очки лежали на полу, и лужа крови вытекала из- под плаща. Это были девяностые. Смутные годы. Позже выяснилось - он был как две капли похож на своего брата близнеца. Он был простым врачом, а хотел быть учёным. Брат же был просто неудачливым бизнесменом. Накопив долги, он сбежал из города, и никто не знал, где он скрывается. Этого не знал и Андрей. Но Андрей был сильно похож на своего брата. И их спутали. Андрей получил не свою долю свинца и его похоронили. Через год деньги были возвращены. Брат Андрея вернулся в город. Он вернулся и не вспоминал того, кто за него заплатил кровью. Бандитов никто не нашёл. Кому это надо было в годы смуты? Вендетту тоже никто устраивать не стал. Я узнал об этой истории через несколько лет. Я хорошо помнил Андрея, но ещё больше помнил его фразу произнесенную на втором курсе института: «Я буду ученым». Я то же хотел быть ученым, но никогда не говорил об этом вслух. Учёным я не стал. Врачом то же был недолго. Я стал тем, кем являюсь в данный момент. Человек, курящий трубку «Петерсон» на балконе, и слушающий шум улицы. Иногда дождя. Но когда идет дождь шум улицы исчезает. Чаще всего это ночь. Да это точно, чаще всего это ночь. Та глухая ночь, когда спят даже машины. Но не спит дождь ., и не сплю я. Я держу в руке трубку, заправленную пряным «Гэвисом», слушаю шум дождя, и медленно пью кофе. Водку я не пью давно. Свою дозу я давно выпил.

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

В комнате удушливо накурено. Какой то праздник. Общага пустая и погружена в мрак. И мы – несколько друзей и знакомых. Просто друзей, и просто знакомых пьющих дешёвое вино, и не нашедших себе в другом месте в этот скучный, пьяный вечер. Пьяные бессвязные голоса, неряшливая беседа, и она. Как и все мы, она сидела на кровати. Тёмные глаза, чёрное обтягивающее строгие формы платье и яркие губы. Стакан она держала в руке. Стакан к которому она прикасалась редко. Она просто сидела. Кругом все орали, пытались перекричать друг друга, и рассказать каждому что-то из своей жизни. Рассказать то чего с ними никогда в жизни не было. Густо накурено. Сквозь крики прорывается музыка из радио. Глядя украдкой на неё я понимал, что её не интересуют ни рассказы, ни музыка из

радио. Она была погружена в что-то своё. В своё, которое никто не знал. Не знал этого и я. Она сидела и изредка смотрела на меня. Я на неё старался не смотреть. Я на неё старался не смотреть, но наши взгляды иногда встречались, и тогда лёгкий озноб пробежал по моему телу. Что было с ней, я не знал. Было далеко за полночь. Из комнаты мы вышли вместе. Это я помнил. Как мы оказались вдвоём, и в моей кровати я помнил с трудом. Зато она это помнила. Когда мы увиделись во-второй, и как оказалось в последний раз, она сказала: «Я благодарна тебе за нашу встречу и эту ночь». За что благодарить её я не знал. Что было особенного в этой ночи, для меня так и осталось загадкой. Всё это она сказала на следующий вечер, когда пришла взять забытые на стеллаже серьги и кольцо. Не обручальное, а простое кольцо с маленьким сапфиром. Она не была замужем. У меня кольца не было, и я тоже был не женат. Уехала она через два дня. Перед отъездом мы не виделись, поэтому и не прощались. Больше о ней я никогда не слышал. Я помню много других застолий, но то застолье из моей памяти стерлось. Стерлось застолье, но остались тонкий аромат её тела, сводящий с ума чувственный рот, обжигающая плоть и одуряющий запах французских духов. Прошло время и я думаю, мне не удастся даже вспомнить её лица. Лицо я забыл, но не забыл всё остальное. Много стерлось событий и встреч, но осталась та единственная. И я до сегодняшнего дня не могу понять кто больше всего виноват – тонкий аромат тела завёрнутый в свежесть плоти или французские духи. Французские духи тогда были редкость. Помнит ли меня она, я не узнаю уже никогда. Я стараюсь об этом никогда не думать. Думаю, что ей то же нет смысла думать об этом.

РАБОТА В БОЛЬНИЦЕ

Декабрьские ночи всегда наступают раньше, чем кончается день. И только по усилению ветра за окном и стиханию улиц ты замечаешь их наступление. Смолкает шум улиц, и лишь редкий троллейбус может сонно прогреметь по улице, утекая в холодную бесконечность. Окна в домах гаснут и постепенно все погружается в тьму. Последними гаснут фонари оставляя флюоресцирующий иссини – чёрный блеск снега искрящийся на ветру. Последние окна в доме напротив потухли, погрузившись в пучину безмятежного сна. Так каждую ночь. Свет гаснет в доме напротив, но никогда не гаснет в моей больнице. Квадратный трёхэтажный корабль расцвеченный огнями несущийся в бесконечность. Уже полтора года я работаю постовым медбратом в этой больнице в отделении патологии новорождённых. Начинаясь пятый курс института, стипендии не хватало, и устроиться было на работу некуда. В этой больнице мы проходили практику и мне предложили эту работу. Как мне объяснили – высокая заработная плата, тепло ... и много других благ. В зарплате я нуждался, а в блага не верил. Первая смена показалась мне сущим адом. На этаже три бокса. В каждом боксе по три палаты. В каждой палате по 4-5 ребёночка в возрасте от 5 до 30 дней. Чаще это тяжело травмированные или глубоко недоношенные дети с травмами центральной нервной системы. После месяца пребывания в отделении они или уходили на второй этап лечения в другие отделения или выписывались домой. Днём в отделении вместе с детьми находились их матери. Они располагались в холле на кушетках и обедали за длинным обеденным столом, протянувшимся через весь холл. Приходили они к утреннему кормлению и уходили после ужина. Каждые три часа им выносили их детей, они их кормили и снова отдавали в палату. Вся ответственность за пеленание, кормление, когда не было родителей, ванны, процедуры лежали на палатных медсестрах.

Когда я впервые появился в отделении, мне казалось, что посмотреть на меня сбежалась вся больница. Высокий, худой парень в стерильно чистом халате, накрахмаленном колпачке, в маске на лице и с большими руками вызывал жуткий интерес. Все шептались между собой и говорили, что я не продержусь и трёх смен. Даже женщины сбегают отсюда, не проработав и одного месяца. А здесь ещё парень. Удивительная самоуверенность. Но я работаю уже больше полутора лет. Первый месяц мне помогали все – врачи, мед.сестры, санитарки. Но это было первый месяц. Через месяц я в помощи практически не нуждался и зачастую помогал сам. Работа была сущим адом и доводила меня до галлюцинаций. Вечерняя смена начиналась после ужина в 20-00 и заканчивалась в 8 утра. За это время редко выпадала минута отдыха, а о сне и думать не приходилось. За дежурство нужно было дважды раздать детей родителям для кормления. Детей без родителей приходилось кормить самому. Детей собрать, перепеленать за смену не менее 8-12 раз, сделать все назначения, не менее 5-7 детей выкупать в ванночке, сделать генеральную уборку, про кварцевать палаты, заполнить всю документацию, утром вынести все белье на первый этаж, получить новое белье, сдать использованные шприцы в автоклав ... и т.д и т.д. Небольшой отдых появлялся после часа ночи, когда все дети засыпали и мы собирались в холле с другими мед.сестрами отделения поесть и попить чаю. Изредка удавалось несколько минут поспать здесь же в холле на кушетке. Но это нельзя было назвать сном. Начинал плакать какой-нибудь ребенок и ты шел его успокаивать. Постоянная невыспанность и хроническая усталость сделали меня болезненно сверхчувствительным. Я даже сквозь сон по плачу мог безошибочно узнавать любого ребёнка в моем боксе. Сначала мед.сестры этому не верили и бегали проверять не ошибся ли я. Потом бегать перестали. И удивляться перестали то же. Я никогда не ошибался. Свет в палатах горел всю ночь, лишь на несколько часов сменялся синим светом кварцевых ламп. В соседних домах по ночам свет не горел, и не кому не приходило в голову кварцевать свои комнаты. Люди ложились спать и просто выключали свет. Я этого позволить не мог. Просыпаться город начинал с первым дребезжанием троллейбусов и машин. Загорались одинокие окна. Потом они гасли. На улицах появлялись первые одинокие прохожие. Шум ветра перекрывался гулом улиц и в свои права вступали сумерки нарождающегося нового декабрьского дня. День начинался там за окном. Когда он начинался у меня, я не знал. День перетекал в вечер, вечер в ночь. Что бывало позже, я уже соображал слабо. Ноги были как ватные, глаза едва смотрели на окружающих, тело была мелкая знобящая дробь. До сна было ещё несколько часов. И организм не хотел с этим считаться. Но с этим приходилось считаться мне. Как сомнамбула на автомате сдавал смену и бежал в институт на практики. Что я делал на занятиях и практиках понять сложно. Амёба заблудившаяся в других мирах... После занятий приходил в общежитие и тогда начинался настоящий ад. Кое как, раздевшись, плюхался на кровать, и тут же проваливался в преисподнюю. Кошмар сна, прерываемый детскими голосами и плачем. Я громко кричал и просыпался от этого крика. Тупо оглядывался, не понимая, где я нахожусь и, что со мной происходит. Снова куда-то проваливался. И так до бесконечности. 2-3 часа этого безумства. Вечером снова была работа. График дежурств был просто сумасшедшим. Днём я работать не мог и все смены мне ставили в ночь. Три четыре ночи подряд, один два дня выходных и всё заново. И так полтора года. Невозможно было понять, как в первый же месяц работы я не сошел с ума и не оказался в психушке.

Безудержный интерес у персонала и матерей вызывали наблюдения за тем, как я управляюсь с детьми. Эти крошечные пищашие или кричащие комочки буквально пропадали в моих руках и начиналось что-то невообразимое. В несколько секунд я их распеленывал, подмывал теплой водой из крана, насухо протирал салфеткой, смазывал складки нежных телец маслом и запеленывал в чистые пеленки. Ребёнок укладывался в свою кроватку и на пеленальном столике появлялся следующий пищаший комочек. Матери стояли и наблюдали за мной за широкими стеклянными окнами бокса и живо всё это обсуждали. Мне обсуждать было некогда. Да и не с кем. Мамаш я не замечал. А если и видел, то они казались все на одно лицо. Лицо закрытое в белую маску. Практически каждая, смена была похожа на предыдущую. Так было до того дня, который перевернул во мне всю жизнь...

ТАИНСТВО

Появление человека на свет является одним из величайших таинств миро воздания. Никто не видит тот миг, когда миллионы кишаших живых существ несутся к той единственной и неповторимой с, которой они соединяться праздную торжество продолжения жизни. Сотни миллиардов этих животворящих клеток ежесекундно воспроизводятся на Земле. Но лишь одна из сотни миллиардов встретит ту свою единственную и неповторимую, сольются с ней в танце агонии, смерти и борьбы. А слившись, начнут делить и соединять во едино свою совершенную, высокоорганизованную плоть, делаясь, совершенствуясь и рождая новое, никому неизведанное, сначала беспомощное, но уже такое живое совершенство. Совершенство идеальное, неделимое и неповторимое в своем единстве. И эта магия единения начинается с первых секунд соития жить своей собственной, обособленной, только ей свойственной жизнью. В первые секунды и дни никак себя не проявляя она титанически борется за жизнь. Жизнь ради жизни. Она постоянно требует к себе внимания, непрерывно делаясь. Проходит всего несколько недель и гармония клеток превращается в торжество живого существа. И уже можно определить головку, тело, ручки, ножки и первые черты характера. Это маленькое, не обладающее опытом разума совершенство начинает активно проявлять себя, реагируя на внешние проявления. Оно живет характером родителей, бытом семьи, музыкой земли и мудростью вселенной. Проявления жизни начинается не с первых шевелений внутри материнской плоти, а гораздо раньше – с первым током крови и первых осознанных движений на окружающие раздражители. Смех матери вызывает эмоции движений ручек и ножек; слёзы, волнения и маленькое, не умеющее мыслить существо, замирает, пытаясь пережить страх и горе матери, не проявляя себя никак, а лишь съезживаясь и прячась от боли и страха в свое незрелое подсознание.

С первых секунд соития двух жаждущих продолжения жизни клеток, они сливаются в танце гармонии и торжества жизни. Они делятся не только генетической информацией составляющей их природную гармонию, но и энергетически-информационной составляющей Создателя. Именно эта информационное начало и будет определять как внутриутробное развитие, так и уровень счастья или несчастья после рождения. Многие жизненные факторы, многие люди, события будут влиять, и вмешиваться в этот невидимый жизненный цикл, но он будет определен именно информационной составляющей родителей. За первые сутки соединившиеся клетки в своем стремлении жить, тратят столько энергии, сколько за последующую неделю. За последующую неделю, как за последующий месяц. А за последующий месяц как за последующий год. За это кажется бесконечный, а на самом

деле очень короткий, период внутриутробного развития две яйцеклетки проходят путь от простого деления, до высокодифференцированного разумного существа. Хаотичность меняется осознанностью. Осознанность перерастает в опыт. Опыт проживает жизнь.

Зачатие может происходить в любви, в незнании, в результате насилия или безразличия, но рождение живого всегда начинается с боли. Плод начинает испытывать гипоксию, сдавление, и боль прохождения через родовые пути. Выходит сдавленная головка, одна ручка, плечо, вторая ручка, плечо и наконец, все тело. Какая-то секунда и все тело в новой жизни. Оно еще не отделено от матери пуповиной, но связь эта все слабее, и наконец, пуповина перерезана, и связь с матерью рвется. Появление на свет оглашается первым вдохом и криком. И болью от хлопков по ягодицам рук акушерки. Эта боль ради жизни, ради первых глубоких вдохов. Она не запомнится, но будет до последнего вздоха на смертном одре будет сидеть в подсознании, формируя инстинкты жизни и смерти.

Выживший в первые минуты, будет стараться пережить первый час. Переживший первый час будет стремиться прожить первые сутки, первую неделю, первый месяц, первый год. И лишь потом, спустя год, появиться искра жизни, сознания и первого опыта. И тогда можно твердо сказать – Я ЖИВУ!. Да здравствует торжество! Да здравствует торжество жизни. Приветствую тебя музыка жизни, музыка торжества вселенского таинства. И в основе всего несколько мгновений соития влюбленных или безразличных друг к другу живых тел, и долгий, трудный путь развития. Невидимый, но такой значимый. Рождаются все одинаково, а вот путь пройденный после рождения у всех разный. Никто ни в момент зачатия, ни в момент рождения не знает кем будет рожденное в таинстве существо или гением, или тираном, или алкоголиком, блуждающим по уголкам помутненного сознания. Но все знают, что совершенство начинается с великого, невидимого созидания и стремления выжить. Нельзя не осознавать всю ценность жизни, даже никчёмного человека. Это таинство. Таинство продолжения рода и им надо дорожить. Никто не может решать, кому жить, а кому нет. Никто не может распоряжаться отведенным свыше жизненным путем другого человека. Каждый должен пройти свой, только ему отведенный путь. Путь, данный единожды, как подарок свыше. И этот путь не должен быть путем насилия или насильственной смерти. Должны быть всего две прописные истины – это ЖИЗНЬ и ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ!

АГОНИЯ.

Больница словно замерла. Захожу в отделение, переодеваюсь, захожу в бокс. В левой палате, у детской кроватки, склонилась заведующая отделением. Делает ребенку укол. Слышу стонущее, прерывистое «пищание» ребенка. Медицинская сестра стоит сбоку подает шприцы, тампоны, что-то сбивчиво отвечает. Захожу, здороваюсь. Вполборота заведующая поворачивается ко мне:

- Сегодня днем ребёнок поступил из роддома. Нежизнеспособен. Глубокая недоношенность, экстраверсия органов, множественные пороки органов, трех камерное сердце. Четыре дня провёл в роддоме, а вот сегодня перевели к нам умирать. Ты сегодня на ночное дежурство?

-Да.

-Думаю ему осталось жить несколько часов. Дежурного врача можешь не вызывать, и так всё ясно. Сделай сердечные, аналептики, массаж сердца, ну а там видно будет. Если умрет в твоё дежурство - зафиксируй время смерти, пусть два часа полежит в кровати в палате, ну а потом вынеси в вентиляционную комнату. Да и напиши посмертный дневник наблюдений.

Всё понятно. Принял дежурство. Начинается привычная суэта. Назначения, пеленания, кормления, снова пеленания, и так без конца. Нескончаемый поток дел. Мамаши все ушли домой. Отделение пустое. Лишь дети в палатных боксах, и мы обслуживающий персонал. Время к девяти вечера. Тяжелый ребенок вяло застонал, закатил глаза, несколько судорожных вдохов, и остановка дыхания. Прозрачное хилое тельце, впалая грудная клетка, свёрнутые в калачик косточки ног, обтянутые пергаментом кожи, впавшие, закатившиеся в синеву век глаза с какими-то невероятными огромными, густыми ресницами. Одеваю в уши фонендоскоп. Тонов сердца не слышно. Сплошной гул перетекающей крови. Последний удар. Сердце останавливается. Дыхание прекращается. Делаю непрямой массаж сердца, ввожу в катетер сердечные, дыхательные аналептики. Проходит десять, двенадцать, пятнадцать минут ..., но всё бесполезно. Всё кончено. Прекращаю все мероприятия, заворачиваю, бездыханное, остывающее тельце в пелёнку и оставляю лежать в кровати. Через два часа возвращаюсь – чуда не произошло. Сердце не бьётся, дыхания нет. По телу на спине пошли фиолетовые пятна. Смерть вступила в свои права. И для этого ребенка всё кончено. Так думал я. Но думал я, как оказалось, неправильно. Заворачиваю в пеленку мертвое тельце и уношу в вентиляционную комнату, в конце коридора. Кладу маленький безжизненный комочек на широкий оконный подоконник.

Если дети умирали вечером или ночью, их всегда завернутыми в пеленку оставляли до утра в вентиляционной комнате, а утром приходила санитарка, и вместе с историей болезни уносила умершего в подвал больницы, а днем приезжала «труповозка» и ребенка увозили в городской морг. Своего морга больница не имела.

Санитарка отделения Нина Александровна утром всегда приходила в отделение первая. Обходила все боксы, интересовалась, как проходило дежурство, в чем нужно помочь. Так было и в то утро. Открывается дверь. На пороге Нина Александровна.

- С добрым утром! Как дежурство?

- Доброе утро... Да нормально. Ах, да, там с вечера ребенок умер. История на столе. Ребенок в вентиляционной.

- Хорошо. Поняла. Всё сделаю.

Дверь за ней закрывается. Продолжаю спешно доделывать дела, готовиться к сдаче смены. В это время истошный вопль из коридора, и быстрые, топающие ноги к моей двери. Бросаю все дела, выскакиваю в коридор. Попадаю, почти в объятия Нины Александровны. Шляпка на её голове сбилась затылок, руки трясутся, лицо бледное, заикается, ничего толком сказать не может. Трясу её за плечи.

- Да успокойтесь Вы! Что, ну что там ещё случилось?

- Там... там. Заикается. Голос срывается на хрип, машет руками в сторону конца коридора.

- Да спокойно скажите, что случилось?

- Там, там... этот покойник дышит...

- Какой покойник, где дышит?

- Там... И машет руками в сторону вентиляционной комнаты.

Бегу по коридору. Вбегаю в вентиляционную комнату и вижу – на подоконнике лежит развёрнутый, умерший с вечера ребёнок, и прерывисто дышит. Я в ужасе. Ведь я сам с вечера зафиксировал его смерть, через два часа убедился в этом, и что? Чувствую, что впадаю в какой-то ступор – руки и ноги костенеют, волосы на голове «встали» дыбом. Не могу сказать ни одного слова. В какой-то горячке быстро заворачиваю ребенка в пеленку и несусь через все отделение в палату. Нина Александровна за мной вдогонку. В отделение начинают подходить мамы детей, никто ничего не может понять. Всем интересно, что случилось. На ходу оборачиваюсь быстро к Нине Александровне :

- Быстро зовите доктора.

Прибегает дежурный врач. Следом приходит заведующая отделением. Объясняю всё, что произошло. У всех состояние полной прострации и тихого ужаса. Усталость сняло как рукой. Меня успокаивают, и выпроваживают домой. На лекции я в тот день не пошел. Жуткое чувство пустоты, и растерянности. А так же бессилия. Долго думал, что и как всё это произошло. А произошло всё вот как.

Да ребенок умер. Реанимационные мероприятия не помогли, несмотря на непрямой массаж сердца и вводимые медикаменты. Через пятнадцать минут начал умирать мозг, а потом и другие органы и системы. Так прошло несколько часов. Но в какой-то момент, накопившийся в клетках продолговатого мозга дыхательный аналептик заставил отмирающую клетку дать импульс, импульс по нервному волокну передался сердцу, сердце трепыхнулось, дав импульс еще не свернувшейся крови, которая поступила в легкие, и легкие задышали. Так через несколько часов после наступающей биологической смерти организм начал несмотря на смерть мозга, свою, новую, только ему известную жизнь. Природа протестовала против смерти. Разум покинул тело, но плоть взбунтовалась. Жизнь ради жизни. Плоть против разума. И эта агония противостояния длилась более двух суток. Все закончилось, слава богу, не в мою смену. Ия при этой окончательной пляске смерти не присутствовал.

Через несколько месяцев аналогичный случай произошёл в областном институте материнства и детства, в отделении патологии, где заведующим в тот момент был мой приятель. Но там ребёнок прожил чуть более одних суток.

Столкнувшись с этими проявлениями борьбы плоти за жизнь, начинаешь понимать всю ценность и неповторимость однажды данной, пусть и на короткий миг, жизни. Жизнь после смерти. Жизнь, воплощенная в смерть.

ВАКХАНАЛИЯ СМЕРТИ

Поздняя весна, зелень газонов и аллей, тёплый прозрачный ветер. Торжество рождения новой жизни. Подхожу к больнице. Со двора выезжают и въезжают скорые помощи. Поднимаюсь по лестнице больницы и никого не узнаю. Бегают какие-то незнакомые мне люди. В отделение нет ни одной матери. Принимаю быстро душ, одеваюсь в новое больничное бельё, вхожу в бокс. В боксе заведующая отделением и ещё два врача. На половину заполненные палаты новыми больными детьми. И те страшные слова: «вспыхнул» один из городских родильных домов. Стафилококк. Все дети поступают в нашу больницу...»

Инфекция «вспыхнула» в одном из городских родильных домов. Для питья детям воду доставляли из аптеки. Вода оказалась заражена стафилококком. Поначалу в родильном доме пытались вспышку инфекции скрыть, но первые смерти детей привели к тому, к чему привели. Дети стали умирать каждый час, но потом уже не только в родильном доме, но и в больницах куда их срочно переводили.

Всех детей отделения или перевели в другие больницы или срочно выписали домой. От всего услышанного трудно прийти в себя. Несколько дней ни мы, ни врачи не выходили из отделения. Но всё было тщетно... Ни один ребёнок не выжил. Они поступали в больницу всего на несколько часов, и потом умирали. Слез их матерей я то же не видел. Дети умирали быстрее, чем родители успевали доехать до больницы и оформиться в отделение. Весь этот ужас длился несколько дней. А потом быстро прекратился. Дети поступать перестали. Отделение отмыли, и начали снова принимать плановых детей. За время вспышки инфекции в нашей больнице умерли более тридцати детей. По городу более пятидесяти. Более двух десятков этих детей умерли на моих руках.

После того как ребёнок издавал свой последний вздох, он ещё два часа лежал в своей кровати. Я писал посмертный дневник в истории болезни, после чего заворачивал этот бездыханный комочек в пелёнку и выносил его в вентиляционную комнату, откуда их утром санитарка относил в санитарную машину и увозили в морг.

Через неделю убитые горем родители вышли на демонстрацию. Матери в чёрных платках, мужчины с чёрными повязками на рукавах. Колонна растянулась более чем на километр. Она молча лилась посередине проспекта. В руках над головами мужчины по двое несли более пятидесяти маленьких обитых красным шёлком гробиков. Несколько гробиков было обито небесно-голубым шёлком. На крышках чёрные кресты. Последняя дань богу. Богу который не смог их защитить. Чем они, едва появившись на свет, так смогли прогневать бога. Этого не мог понять никто. Для меня это то же осталось не понятным.

К процессии все больше присоединялось людей, останавливались машины. Нарастал гул. Громко за сигнарила одна из машин и к ней стали присоединяться другие. Проспект встал. На какой то момент встала и вся процессия, но потом будто что то вспомнив снова двинулась вперед по направлению к администрации района. Но до администрации они не дошли. Оставалось несколько сотен метров, как налетел шквалистый ветер, поднялась буря пыли и потоки ливня смешали пыль с грязью. Колонна по инерции ещё сколько то времени шла, но потоки воды и шквалистый ветер погнали людей в подворотни и подъезды домов. Машины разъехались. Через час всё было кончено. Ветер резко прекратился, снова

вышло солнце, ярко заблестела зелень деревьев и газонов, потоки воды смывали грязь на обочины, а улица была пуста. От всей процессии остался лишь одиноко перевёрнутый у обочины голубой гробик с оторванным, сбившимся на бок чёрным шелковым крестом. До администрации так никто и не дошёл. Ветер и дождь разметали людей по проулкам, а горе загнали в квартиры безутешных родителей.

Все эти события промелькнули менее чем за две недели. Именно они и раскололи мою жизнь пополам. Можно было согласиться со смертью уставших от жизни стариков, но смерть невинных, не успевших даже увидеть свет безвинных младенцев не могла оставаться равнодушной. Я с этим был не согласен. Не согласны были с этим и другие.

ПРОЩАНИЕ С БОЛЬНИЦЕЙ

История старшей сестры отделения заслуживает отдельной страницы. Ей было немногим более за тридцать, но она уже давно была одна. Ни детей, ни мужа. После работы она приходила в пустую квартиру, готовила ужин, съедала его в одиночестве и рано, очень рано ложилась спать. В одинокую холодную постель, не согретую теплом мужского тела. По ночам она часто просыпалась. Её мучила жажда обладания мужской плоти, запаха мужского тела, которые она давно успела забыть. Она замужем была два года. Ей исполнилось 22, ему 24 и они развелись. Её постоянное недовольство им, нежелание быть рядом привели к аборту. Это было её желание. Его желание было другим. Но её это не интересовало. И она сделала по-своему. Он не захотел больше быть с ней рядом. Желания их совпадали. И всё было кончено. Так прошло несколько лет. Работала она старшей медицинской сестрой в отделении, куда я пришел работать постовой медицинской сестрой. Работа была ей ненавистна. У неё было много раздражителей, но после моего прихода я стал главным. Единственный мужчина на стаю ссук, в которой больше половины одиноки. Меня постоянно кто-то обсуждал. Она не обсуждала никогда. Она не включалась в обсуждения. Она меня просто тихо ненавидела.

Смена подошла к концу. Передал все данные по смену пришедшей на замену медицинской сестре, но выйти из бокса не успел. Она вошла как всегда строгая, с затянутым русым узлом волос под колпачком, серые глубокие глаза, безусловно отглаженный халат, и оболденная фигура под ним а прекрасной выраженной грудью. Абсолютно бесстрастная. В лице ни эмоций, ни жизни. Ничего личного. Только работа.

- Задержись. Я не проверила уборку.

Чистота в палатах была идеальная. И её это не устраивало. Достала из нагрудного кармана безупречный белый платок и стала просматривать все им все щели. Пыль была найдена на багете окна. От сердца у неё отлегло. Враг повержен.

- Задержись и сделай уборку заново.

Руки у меня трясутся, тело бьет мелкая дрожь, голова плохо соображает. Третья ночь подряд без сна дают о себе знать. Плохо соображая, что от меня требуют, достаю тряпку и начинаю снова «полировать» весь бокс. На занятия я в тот день не попал. Едва доплелся до общаги, не раздеваясь плюхнулся на кровать. погрузившись в хаос детских криков и

плача. Эти детские голоса ещё несколько месяцев преследовали меня во сне даже после того, как я ушел из больницы.

Институт подходил к концу. Подошла к концу и моя работа в больнице. После увольнения пришел в больницу со всеми проститься. Прощание было коротким и теплым. Пожелания успешной работы в новом статусе и не забывать их. Старшей среди них не было. Подхожу к её кабинету. Постучался. Неуверенно вошел. Она была одна. Встала со стула и подошла ко мне. Обняла за плечи. В глазах стояли слёзы.

- Извини. Я часто была несправедлива к тебе... Извини.

Мы долго стояли, и она меня не отпускала из своих рук. Лица я её не видел, а слышал лишь редкие всхлипывания. Потом она резко оттолкнула меня от себя.

- Теперь иди. Мне будет сильно тебя не хватать.

Я ушел. Дверь за мной закрылась. Больше я её не видел. Её я больше не видел, но был ей сильно благодарен за то трудолюбие и терпение, которому она меня научила. А так же тихой ненависти. Я её в то время ничему научить не мог. У меня не было даже шансов. Поэтому я ей и благодарен. Есть ли ей меня за что благодарить, я так и не узнал.

ПРОЩАЙТЕ АЛЬМА МАТЕР!

Так закончилась моя работа студентом в больнице. А через два месяца подошло и время окончания института. Госэкзамены, расставание с альма матер и друзьями... Всё это происходило в какой-то неудержимой горячке. Думаю, так было не только со мной, но и со всем студенчеством до и после меня.

Время до гос. экзаменов протекало больше нервно и опустошенно. Общежитие то наполнялось галдящей студенческой братией, то на день два затихало в томящейся, бессознательной пустоте. От первых сдающих экзамены, до последних было не менее недели. И если одни сегодня праздновали успех, или омывали слезами неудачу экзамена, а были и такие, слава богу, я в разряд рыдающих не попал, то другие им честно завидовали, и ждали судного дня своего шестилетнего времяпрепровождения.

Время до экзамена все проводили по-разному. Кто-то судорожно догрызал гранит науки, не сдавшийся ранее, кто-то обрывал трубку телефона, вынося мозги такой же как и он бездари, отличники жестко, сутками брали очередные вершины, запивая успехи огромными дозами валерьяны. Мне и многим как я, заниматься ерундой было не охота. Принцип «перед смертью не надыхишься» нами был правильно усвоен еще на первых курсах института. И отходить от него мы не собирались. Валерьянку мы то же не пили. Где её взять и для чего это было, нужно мы просто не знали. Зато мы хорошо знали, когда открывался и закрывался соседний гастроном, в котором можно было купить креплёное красное вино, дешёвого розлива, по 0,7 в бутылке. И поэтому мы пили вино. Отрезвление не наступало даже утром в день экзамена. Спасал холодный душ, манная каша в студенческой столовой, и чашка крепкого чая. Бывшие выпускники хорошо вложили в нас мысль – пять минут позора и врач. Позора, к счастью терпеть не пришлось, и врачами мы стали. Врачами стали практически все. Диплом врача получил и я. Последний экзамен завершился в каж-

дой группе почётным вручением академического знака – красного ромбика на винте, с белой окантовкой, гербом СССР по центру и с чашей обвившей змеёй. Знак был пристёгнут к лацкану пиджака и не давал покоя. Я его сильно стеснялся. Думаю, его стеснялись и другие. Он накладывал какую-то волнующую, ранее не изведанную ответственность на своего владельца, которой ранее никогда и не присутствовало. В то время существовало множество вузов и академических знаков, но красный с белой окантовкой, гербом СССР вверху и с чашей со змеёй внизу, на винте, был особенный. Он относил, носивших его, к какой-то особой, таинственной касте. Касте людей, знающих таинства жизни и смерти. К этой касте стал относиться и я. И ещё, не осознавая всю тяготу и сложность будущей жизни, мы, бывшие студенты, и сегодняшние врачи, были раскиданы по многим больницам и городам нашей необъятной, и не всегда нас любящей Родины. Многим, и мне то же, не раз приходилось стоять на краю пропасти, называемой жизнью и смертью, и смотреть в широко раскрытые от ужаса и боли, или гаснущие в предсмертной агонии глаза. Все эти картины человеческих трагедий никогда не оставляли меня равнодушным. Думаю они не оставляют равнодушными всех моих коллег. Коллег с кем я учился, и с кем не учился никогда. Всё это меня закалило, сделало более решительным и жёстким, немного циничным. Но никогда не чёрствым, и не безразличным к чужому страданию и горю. Я уже много лет как отошёл от врачебной практики, но заложенное институтом и дальнейшей практикой, думаю, пройдет со мной до могилы. Не приятно – циник, сквернослов и жёсткий мерзавец с душой чуткой к чужой боли и страданию. К чужой, но не своей. Свою всегда не замечаешь, или не видишь. Или делаешь вид, что не видишь и не замечаешь.

Экзамены сданы и всё более студентов вливается в ряды счастливых. До праздничного, прощального вечера оставалось несколько дней. И ещё была присяга. Принятие клятвы Гиппократова. Все выпускники института стояли на плацу перед вечным огнем у памятника павших в Великой Отечественной войне. Декан громко зачитывал слова клятвы и все вторили: «- Клянёмся!» Торжество момента раскаляла присутствующих. Но я на этом торжестве не присутствовал. В тот день я лежал в общаге с температурой под сорок и опухшей, ничего не чувствовавшей ногой. Клятву я не принимал, но всю жизнь следовал ей. Я не слышал, как её зачитывал декан, не слышал уходящее ввысь «Клянёмся», но я знал её наизусть. И вкладыш с её текстом лежит у меня в дипломе до сего дня.

После принятия Присяги многие, кто жили в общаге, до выпускного вечера разъехались по домам. А кто жил дома, просто отсыпались. До выпускного многие группы собирались на прощальные пирушки. Прощальная пирушка была и у нашей группы. Но я в ней участвовать не смог. Собрались все кроме меня. За два дня до этого со мной случилась неприятность. Распухло правое колено, бедро, пошел паховый лимфаденит, температура под 39. Когда все выпускники гуляли и бесновались от счастья, я загибался от боли и приступов слабости. Ногу буквально разрывало, меня тошнило, и я не знал куда деть пылающую голову. День смешался с ночью. Покой превратился в ад. На третий день кое-как заставил себя добраться до детской хирургии в нашей детской больнице. На кафедре пусто. Лето, отпуска. Состояние моё было отчаянным. На моё счастье в отделении оказалась вчерашняя аспирантка хирург, закончившая два года назад институт, с которой я был хорошо знаком. Объяснил причину. Завели в перевязочную. Уложила на операционный стол. Обработала колено. Прокачала колено новокаином. Сделала скальпелем разрез через всё колено. Ни капли гноя. Асептический отёк с периферийным лимфаденитом. Наложила мазе-

вую повязку. Дала антибиотиков и отпустила домой. Через два дня велела прийти на перевязку. Домой дополз кое-как. От голода и боли тошнота подкатывала к горлу. Плюхнулся на кровать, и заставил себя заснуть. Несколько дней голода дали о себе знать. Общага была пуста, ходить от боли не мог. Магазин остался где-то там в мечтах здоровой жизни. Если кто и приходил из знакомых, то объяснить, почему я не могу ходить я мог, а вот, что от голода схожу с ума, сознаться было стыдно. Вот тогда и состоялась эта встреча.

Наутро следующего дня, мне стало много легче. Операция и антибиотики сделали своё дело. Температура прошла, отёк бедра стал спадать, лимфоузлы стали уменьшаться, боль стала меньше. Осталась слабость и какая-то общая немогота. Стал немного ходить по комнате, но больше валялся на кровати.

Ближе к обеду стук в дверь.

- Да. Войдите!

Зашла она. Высокая, стройная. Коричневые блестящие глаза, в обрамлении длинных ресниц, едва затронутых тушью, естественные густые каштановые волосы, спадающие с плеч. Чувственный рот в тени неброской помады. Обтягивающая покатые бедра, черная юбка. Свободная белая блузка. И необыкновенное амбре, умопомрачительного парфюма. С ней был высокий, сухой, с бледным лицом, редкими рыжими волосами, тщательно остриженными на правый пробор, с челкой на бок, в черном дорогом костюме, под галстуком с темно синей рубашкой, намного старше её мужчина.

- Это Алексей. Мой муж. Он давно хотел с тобой познакомиться. Но вышло как-то вот только сейчас.

Хотел ли с ним знакомиться я, я точно не знал. Скорее всего, не хотел. Но этого хотел он. И я с этим ничего не мог поделать. Какая-то воспитанность и особый внешний лоск вызывали к нему уважение. Он протянул мне руку. Я её неуверенно пожал. Она взяла стул от стола и, пододвинув к кровати, уверенно на него села возле меня. Я лежал, не пытаюсь даже встать – бледный и злой на свою беспомощность. Алексей стоял в стороне, возле двери. Через несколько секунд сказал:

- Я подожду в коридоре. Не буду вам мешать. А вы пока разговаривайте.

Дверь за ним закрылась. Во мне он не чувствовал угрозы для своих взаимоотношений с ней.

Она взяла в руку мою ладонь и больше не выпускала. Тело её слегка дрожало. Другая её рука то нежно погружалась в мои волосы, то гладила осунувшееся за дни болезни лицо, высохшие, растрескавшиеся от температуры губы. Так прошло не менее часа. О чем мы разговаривали, я не помню. Но не могу забыть её срывающийся в слёзы смех и какую-то щемящую грусть в глазах. Время шло очень быстро. Встреча явно затягивалась. Пристальным прожигающим взглядом посмотрела мне в глаза. Поцеловала долгим, обжигающим поцелуем в губы, щеки. Обсушила свое лицо платком, встала, пошла к двери. Ещё раз оглянулась:

- Я думаю, мы ещё увидимся.

Не попрощавшись, вышла. Не зашел попрощаться и её муж. Были слышны лишь удаляющиеся по гулкому коридору шпильки. Шпильки туфель на её безукоризненных, ободенных ногах. Ноги, которых ни разу не коснулась моя рука.

Знакомство наше было случайным. Кафе, обед. Все столики заняты. Одно свободное место в полутени у угла стены. Она тянувшаяся за вилкой. Я с подносом и тарелками на нём.

- Приятного аппетита! Позвольте?

- Да, пожалуйста.

Разговорились. Она художник в производственной мастерской. Я студент последнего курса. Она года на два старше меня. За мужем. Обворожительная. Раскованная. Независимая. Ели мы дольше обычного. Потом несколько раз приходил к ней в мастерскую. К себе домой она не приглашала. Она была замужем. К себе в гости я то же не приглашал. Студенческое общежитие не место для чувственных свиданий. Когда встречались, то по многу часов разговаривали, иногда пили чай, заваренный тут же на журнальном столике. Я завораживающе смотрел как она работает. Я был очарован ею и её умением несколькими воздушными взмахами карандаша превращать неодушевленную пустоту в живые лица.

И то её посещение было для меня полной неожиданностью. Свой адрес я ей не давал. И как она его узнала, для меня осталось загадкой.

Она ушла, но остался я. Полная растерянность и опустошенность. Пряный вкус помады на высохших губах, легкий запах её тела и этого умопомрачительного парфюма. Было чувство, что в этот минуты я потерял очень близкое и необыкновенно родное мне навсегда. Щемящая боль сдавила грудь. Хотелось просто по щенячьи забиться в подушку и завывать. Больше мы никогда с ней не встречались. И как сложилась её судьба мне неизвестно. Известно лишь, что горечь утраты не изжита мной и сегодня. Поэтому и изложил это всё на бумаге. Изложил не для того, чтобы собирать сопли в кулак, а чтоб поблагодарить за те встречи, которые она мне подарила, за тот поцелуй оставшийся в памяти с пряным теплом чувственного рта, и нежность и чистоту отношений коснувшиеся меня её руками.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР.

Выпускной вечер проходил в огромном двухэтажном, по восточному ресторане «1001 ночь». Второй этаж, огромный круглый зал, низкие полуовальные столы в обрамлении темно синих бархатных диванов, тусклый свет светильников. Каждая группа праздновала за отдельным столом. Деканы с преподавателями за столом в углу залы.

Я на тот вечер не пошел, точнее на его начало и середину. Я пришел лишь под конец празднества, как говорят под занавес. Боль в ноге еще не проходила, периодически возникали предательские чувства слабости и тошноты. Мне было далеко не до суеты праздничных веселий.

Вечер сидели у друга. Он на следующий день сдавал последний гос в юридическом. Скучный, бесцельный вечер с нотками тоски и раздражения. Ближе к полуночи приятель все таки заставил меня подняться и, хотя б сходить попрощаться с бывшими сокурсниками, благо ресторан, по стечению обстоятельств, находился в соседнем дворе.

Вошел в ресторан, поднимаюсь на второй этаж. Гул голосов, музыки и сизого дыма. Вечер подходил к своему концу. Нашел столик, где пиршествовала наша группа. За столом пусто. Тарелки с остатками салатов, полупустые бутылки, в окружении пустых бокалов, пепельницы полные окурков. Две мои одногруппницы сидят на краю стола. В руках бокалы, зажжённые сигареты. Разговор на пустые темы. Подсаживаюсь сбоку, обнимаю одну за талию. Так сидим довольно долго, пока одна из них на оборачивается и не замечает меня.

- Господи! Ты откуда. Ты когда пришел?

Штрафные бокалы, поцелуи, пьяные признания в дружбе и любви, непонятно откуда собирающихся одногруппников.

Вечер окончен. Последнее танго от музыкантов. Напутствие декана. Все начинают расходиться. Выхожу на лестничную клетку, и в этот момент с истеричными выкриками, кулаками и слезами, моя бывшая подруга кидается мне на шею.

- Я ненавижу, ненавижу тебя!. Я не могу тебя терпеть!

Пытаюсь оторвать её от себя, но тщетно. В это время, в сопровождении преподавателей и моих сокурсников выходит декан факультета, и застают нас за этой сценой. Декан поворачивается в мою сторону:

- Господи, опять это ты!

Мне ничего не остается, как сквозь рыдания подруги спросить:

- И за что Вы меня так не любите?

Ответом мне был смех выходящих. Что хотела мне этой сценой сказать моя бывшая подруга, ведь роман наш хоть и был очень бурный, но достаточно короткий, я не знаю. Но, что сказал декан, слышали многие. Слышал это и я.

Так закончились мои шесть лет редких встреч, переживаний, частых недоеданий и недосыпаний. Все осталось позади. Осталась горечь расставания и утраты. И дружба. И дружба на всю оставшуюся жизнь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последняя декада лета неспешно подходит к своей середине. Суббота. Послеобеденная лень. Дождь закончился. В воздухе парит зной обвиваемый легким, прохладным ветерком. Окна лоджии распахнуты настежь. Верхний этаж кирпичной высотки, узкая длинная лоджия, раскладной столик, раскладной стул. Несколько чистых листов бумаги, шариковые ручки. Погасшая трубка. Жестянка с флэком от Гэвиса. Газовая зажигалка, темпер. Кофе допит, и чашка пуста. Мысли не путаются. В голове вакуум, будто кто-то ее вытряс. Все, что не давало мне покоя много лет переложено на бумагу, и думаю, больше ко мне не вернется. Пустота... Ни мысли, ни желания думать. Дописан последний лист, и я начинаю осознавать, что я не жизнь начинаю с чистого листа, а чистый лист открываю для новой

жизни. Сколько этих листов ещё будет, не знает никто. Да и я этого не знаю. Да если б и знал, то оставил бы это в себе. Вот и все. Можно и попрощаться.

Киров.

Лето. 2014 г.

Корнилов Владимир Иванович

Возраст 56 лет. Родился на Урале, в семье рабочих, воспитывался без отца. Закончил медицинский институт. Спец ординатура с изучением иностранного языка по медицине. Отработал от рядового врача до заведующего поликлиникой. Более 13ти лет работал на врачебной должности. Два высших образования по юриспруденции и экономике. Аспирантура по экономике. 10 лет занимается целительством. Входит в сотню целителей России. Докладчик на двух международных конгрессах по народной медицине. Имеет свою школу эзотерических знаний, в которой более 150 учеников. Не женат. Проживает в г.Кирове.